

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Г.Н. Ланской

Вопросы экономической истории России на страницах «Экономического журнала»

В статье анализируются основные направления изучения экономической истории России на страницах «Экономического журнала». Особое внимание уделено современным подходам, которые применяются авторами данного издания при исследовании экономических вопросов истории Гражданской войны и новой экономической политики.

Ключевые слова: историография, экономическая история, Гражданская война, крестьянство, антибольшевистские правительства, новая экономическая политика.

В выпускаемом на протяжении более 15 лет «Издательством Ишполитова» «Экономическом журнале» традиционно уделяется большое внимание вопросам экономической истории России XX в. При этом авторы преимущественно обращаются к событиям, относящимся к временам Гражданской войны и последующего формирования новой экономической и политической системы на территории утверждавшего свои правящие позиции в 1920-е годы Советского государства. В связи с данной достаточно конкретной и при этом углубленной тематической специализацией представляется значимым выявление той концептуальной и методологической линии, которой придерживаются публикующие в журнале статьи исследователи. Решение данной задачи может, в свою очередь, позволить наметить значение публикаций «Экономического журнала» как историографических источников по истории России конца 1910–1920-х годов, отражающих новейшие тенденции в раскрытии и оценке событий данного периода.

Как уже было отмечено, основное внимание в статьях журнала традиционно уделяется вопросам истории Гражданской войны и в особенности деятельности небольшевистских правительств под руководством П.Н. Врангеля, А.И. Деникина и А.В. Колчака в период конца 1918 и 1919 гг., когда они еще вели острое и временами достаточно успешное соперничество с Красной армией. В своих работах исследователи исходят из представления о том, что неизменным сопутствующим фактором событий Гражданской войны являлся экономический кризис. Его проявления встречались в различных сферах хозяйственного развития, относившихся не только к самой материально-производственной сфере, но в еще большей степени к различным инфраструктурным аспектам.

Первым из этих аспектов, подробно исследованным в опубликованных на страницах «Экономического журнала» статьях, является состояние финансовой системы. В частности, при определении особенностей инфляционной ситуации периода Гражданской войны М.Ю. Черниченко подчеркивает, что «ключевую роль в обострении кризисных явлений в экономике на белых территориях играло падение покупательной способности российской национальной валюты при сохранении относительной рыночной свободы». Далее говорится, что «именно сочетание этих двух факторов порождало хаос в денежном обращении, рост дороговизны, инфляционную панику и разгул спекуляции»¹.

При оценке финансовой системы в период 1918–1919 гг. М.Ю. Черниченко в соответствии с существующей историографической традицией в освещении данной темы отмечает, что основной проблемой развития механизма денежного обращения являлась его децентрализация, с которой своими и, как правило, внеэкономическими методами боролись представители большевистского правительства. В своем исследовании на основании различных примеров автор показывает, как представители населения страны стремились использовать в практике товарно-денежного обращения различные платежные единицы и средства. Руководству вооруженных сил юга России во главе с А.И. Деникиным не удавалось справиться с данной ситуацией ни с помощью создававшихся исполнительных органов управления, ни с помощью периодически планировавшихся репрессивных мероприятий.

Очевидно, что причина данной ситуации заключалась в позиции гражданского населения, которое не испытывало доверия к предлагавшейся военными властями системе денежного обращения и часто вынужденно пользовалось услугами спекулянтов. Определяя ее сущность, М.Ю. Черниченко, в частности, пишет:

«В обстановке Гражданской войны внутренний курс национальных валют, обращавшихся в тылу ВСЮР (Вооруженных сил юга России), зависел только от психологического фактора – большего или меньшего доверия к тем или иным денежным знакам. А доверие населения – не только тех групп, что сознательно поддерживали Белое движение, но и самых широких слоев – укреплялось или, наоборот, ослаблялось материалами, публикуемыми в газетах»².

Вторым аспектом кризисной экономической ситуации в России периода Гражданской войны, по мнению авторов «Экономического журнала», являлась быстро распространившаяся в рамках антибольшевистских органов управления коррупция.

Ее распространение стало заметным практически с самого начала формирования антибольшевистских правительств, где для обеспечения большего уровня компетентности управления стали создаваться отделы, призванные регулировать развитие различных отраслей экономики. В связи с отсутствием в военной среде подготовленных для работы в данных отделах кадров на работу в эти отделы стали привлекаться представители бюрократического аппарата, имевшие опыт профессиональной деятельности еще в государственных учреждениях дореволюционной России. Первоначально они имели доверие со стороны белогвардейского командования вследствие своего опыта и, вероятно, по причине принадлежности к бывшему дворянскому сословию.

Однако уже во второй половине 1918 г. выявилось, что привлеченные на службу представители дореволюционного чиновничества не смогли в значительной своей части проявить должного уровня служебной добросовестности. С одной стороны, это было вызвано тем, что вслед за профессионально подготовленными специалистами в среду руководящих работников стали проникать случайные люди, приглашавшиеся начальниками отраслевых управлений и подразделений как на центральном, так и на местном административном уровне. С другой стороны, как показывают исследователи, приглашенные антибольшевистскими правительствами на работу чиновники испытывали существенные материальные трудности и стремились в условиях общей финансово-экономической нестабильности их преодолеть благодаря своему служебному положению. Проследившая данную тенденцию, С.В. Карпенко в статье, посвященной вопросам коррупции в среде антибольшевистских правительств, в частности, писал: «И эта растущая и сильно разбавленная некомпетентными людьми “армия чиновников”, которые пострадали от большевиков, потеряли деньги и имущество, были размещены в плохих квартирах, носили старую одежду и

обувь, жили впроголодь, в лучшем случае вместо дела занималась “мечтами о прибавках” и “погоней за командировками”, мечтами о возвращении старой жизни и прежних привилегий после взятия войсками Москвы и ликвидации большевиков. В худшем – пополняла свои карманы преступными способами и измывалась над населением»³.

Помимо социальных причин развития коррупционной ситуации в среде антибольшевистских правительств юга России, С.В. Карпенко выделял также причины, связанные с общей политической и экономической ситуацией в данном регионе, сложившейся в 1918–1919 гг. и сохранившейся вплоть до осени 1920 г., когда итог противостояния в рамках Гражданской войны был предрешен. Первая из этих причин заключалась в том, что в поисках создания управляемой модели финансово-хозяйственного развития и, в том числе, для борьбы со злоупотреблениями руководство антибольшевистского движения прибегало к более активному использованию командных механизмов. Это неизбежно расширяло бюрократический аппарат и оказывало дополнительное давление на положение реально продуктивного слоя предпринимателей. Вторая причина была связана с недостаточной эффективностью имевшихся транспортных коммуникаций. В связи с их изношенностью, а также снижавшимся качеством подвижного состава заинтересованные в перемещении своих грузов представители снабженческого сектора стремились любыми средствами компенсировать свои убытки.

Третьим аспектом экономического кризиса в годы Гражданской войны, по оценкам исследователей, являлись существенные трудности в сфере продовольственного снабжения нуждавшихся в постоянном подкреплении вооруженных сил юга России. По наблюдениям, сделанным С.В. Карпенко, данные трудности были настолько существенными и системными по своему содержанию, что не ослабевали даже в ситуации благоприятного урожая, наблюдавшегося на европейской части территории России в 1919 г.

Источником возникновения продовольственной проблемы применительно к функционированию вооруженных сил на юге России являлась необходимость параллельного решения двух задач – повышения заинтересованности производителей сельскохозяйственной продукции в улучшении показателей своей деятельности и регулярного снабжения по выгодным ценам сражавшихся с Красной армией вооруженных подразделений.

Для поиска выхода из складывавшейся трудной ситуации и его осуществления по инициативе А.И. Деникина в начале 1919 г. было создано специализированное управление, функцией которого

стало ведение продовольственной политики. Характеризуя содержание происходивших в рамках деятельности данного управления совещаний, С.В. Карпенко, в частности, писал: «Самым сложным для участников всех совещаний оказался вопрос о твердых ценах, которые вызывали массовое недовольство сельского населения и его отказ продавать зерно. Всем было очевидно, что даже с отменой хлебной монополии не может быть и речи о переходе к свободной торговле, раз сохраняются твердые цены. Однако отмена их представлялась “прыжком в неизвестность”. Предвидели лишь два негативных последствия: резкий скачок цен на хлеб и все продукты питания и сохранение прежнего стремления производителей и торговцев воздержаться от продаж, но уже в расчете на дальнейшее повышение цен»⁴.

Мероприятия правительства А.И. Деникина по разрешению противоречий между заинтересованностью сельскохозяйственных производителей в повышении прибыли и представителей военного командования в обеспечении достаточного снабжения армии не увенчались успехом. В статье С.В. Карпенко убедительно подчеркивается, что данная цель не была достигнута даже после введения свободы торговли и ограничения обязательств производителей «хлебным налогом», поскольку стремление увеличить объем доходов от торгово-предпринимательской деятельности все равно оказывалось доминирующим. Складывавшиеся в результате рассмотренной ситуации трудности дополнялись издержками, которые возникали под воздействием дополнительных инфраструктурных факторов, к которым относились ухудшавшееся качество железнодорожных магистралей и подвижного состава, девальвация расчетно-денежных единиц и несбалансированность финансовой системы в стране. Проследивая данную ситуацию, С.В. Карпенко отмечал, что при решении задач продовольственного снабжения армий А.И. Деникина и П.Н. Врангеля «управление продовольствия часто само становилось жертвой роста цен и спекулятивных махинаций. Особенно в случаях, когда торговцы, заключив с управлением договор на поставку товара, везли его не один месяц из дальних краев... доставив товар в порт или на станцию в соответствии с договором, они категорически отказывались его сдавать и требовали повысить цену по сравнению с договорной, ссылаясь на значительный рост цен за прошедшее после подписания договора время»⁵.

Наконец, четвертым аспектом экономического кризиса в годы Гражданской войны исследователи, публикующие свои статьи на страницах «Экономического журнала», считают особенности переселенческой практики, заключавшейся в миграции крестьян из

Европейской территории России в Сибирь и на Дальний Восток. При изучении данной проблематики обоснованно подчеркивается, что осуществлявшаяся в данном направлении колонизация являлась на протяжении XIX и начала XX в. источником преодоления проблемы малоземелья, сковывавшей крестьянство в рамках крупного феодального землевладения. Как неоднократно подчеркивалось в отечественной историографии экономической истории дореволюционного периода, именно переселенческая политика являлась в связи с этим наиболее прогрессивным направлением реализовывавшейся под руководством П.А. Столыпина аграрной реформы.

Однако, как подчеркивают в своей статье о демографических проблемах Сибири и Дальнего Востока С.С. Ипполитов и В.В. Минаев, в условиях Гражданской войны переселенческая активность крестьян оказалась источником новых проблем, которые были вызваны, в частности, недостаточной освоенностью этих регионов. С одной стороны, эти проблемы проявились в том, что сибирские и дальневосточные территории стали объектом миграционного освоения со стороны жителей Китая, а также геополитических интересов со стороны Японии. С другой стороны, с существенными сложностями столкнулись и те крестьяне, которые направились за уральские территории в поисках благосостояния и спасения от активных военных действий. Проследивая их намерения, С.С. Ипполитов и В.В. Минаев отмечали: «Крестьяне стремились прибыть к новому месту жительства к началу весенне-полевых работ. Голод, безработица и нужда малообеспеченных слоев населения, стремление к наживе и более выгодному использованию капитала для зажиточных слоев – все это явилось движущими силами переселенческого движения в первой половине 1918 г.»⁶

В целом авторы статей, опубликованных на страницах «Экономического журнала», приходят к выводу о том, что события Гражданской войны усугубили экономический кризис, начавшийся еще в годы Первой мировой войны и закономерно сохранившийся в условиях революционных событий 1917 г. Безрезультатность его преодоления, несмотря на временные достижения – например, на отмечаемый в опубликованных статьях временный приток «деловых людей» в Сибирь и на Дальний Восток⁷, – стала одним из факторов неудачи Белого движения. С другой стороны, кризис и произошедшие в связи с ним социальные волнения в Черноземном регионе и затем в Кронштадте заставили добившееся успеха в Гражданской войне большевистское правительство приступить к достаточно радикальным экономическим преобразованиям.

Содержание этих преобразований достаточно подробно освещено на страницах «Экономического журнала» как в практическом⁸, так и в теоретическом⁹ аспекте. Опубликованные статьи, основанные на значительном и репрезентативном фактическом материале, практически подтверждают те выводы, которые сформировались в отечественной и зарубежной историографии по вопросам причин, теоретических предпосылок, содержания и результатов новой экономической политики. К их числу, в частности, относятся констатация достаточно активных дискуссий в советской экономической литературе о необходимых сроках проведения нэпа, наблюдения о его существенной роли в оживлении экономического развития страны и, наконец, указание на произошедшее уже в 1925 г. отступление от базовых принципов начатой в 1921 г. политики.

Среди опубликованных на страницах «Экономического журнала» статей по проблематике истории России и российской эмиграции 1920-х и 1930-х годов особого внимания заслуживает статья С.С. Ипполитова, посвященная малоизученной теме вывоза государственных финансов бывшей Российской империи в европейские государства¹⁰. Автор статьи обоснованно указывает на то, что утечка «казенного» капитала стала существенной проблемой не только для органов власти советского государства, но также для оказавшихся без достаточного финансирования антибольшевистских правительств. Вывезенные средства не стали достоянием и большинства людей, которые были вынуждены покинуть территорию России в связи с провозглашенными на ней принципами и направлениями социалистического переустройства.

В своей статье С.С. Ипполитов на основании многочисленных источниковых свидетельств показывает направления, в которых произошло расхищение вывезенных финансовых средств. В частности, он пишет о создании и деятельности созданного в феврале 1921 г. Финансового совета, который по существу организовал постепенную утечку капиталов. Отмечая негативные репутационные последствия его деятельности, автор отмечает: «Судьба российских государственных средств находилась в центре внимания не только эмигрантских кругов русского зарубежья, но и иностранных правительств, предпринимавших попытки так или иначе оказывать влияние на их хранение и использование... В тот же период периодически возникали громкие скандалы, проливавшие слабый свет на перемещение по миру других составных частей российского национального богатства, вывезенного за границу»¹¹.

Таким образом, опубликованные на страницах «Экономического журнала» исследования дают системное представление

о направлениях развития России в период Гражданской войны и 1920-х годов. При этом особое внимание уделяется вопросам деятельности антибольшевистских правительств и осуществления новой экономической политики. На наш взгляд, включение результатов уже осуществленных, а также продолжающихся в настоящее время исследований в еще более широкий контекст изучения отечественной истории XX в. способно дать плодотворные результаты как в методологической, так и в практической сфере научных изысканий.

Примечания

- ¹ *Черниченко М.Ю.* Инфляция, инфляционная паника и спекуляция в условиях «свободы торговли» времен Гражданской войны: по материалам газет антибольшевистского юга России // Эконом. журн. 2015. № 1 (37). С. 71.
- ² Там же. С. 83.
- ³ *Карпенко С.В.* Экономический кризис и коррупция: из истории тыла белых армий юга России: 1918–1920 гг. // Эконом. журн. 2015. № 1 (37). С. 111.
- ⁴ *Карпенко С.В.* Кризис товарно-денежного обращения и продовольственное снабжение армии и городского населения на белом юге России // Там же. № 2 (38). С. 104.
- ⁵ Там же. С. 117.
- ⁶ *Ипполитов С.С., Минаев В.В.* Демографические проблемы Сибири и Дальнего Востока России в условиях экономического кризиса в годы Гражданской войны // Эконом. журн. 2015. № 2 (38). С. 164.
- ⁷ Там же. С. 173.
- ⁸ *Стасюкевич С.М.* Советская сельхозкооперация на Дальнем Востоке как субъект экономики: иллюзии и реальность: 1920-е гг. // Эконом. журн. 2015. № 1 (37). С. 147–159.
- ⁹ *Ульянова О.А.* Быть или не быть нэпу: Экономические дискуссии 1920-х гг. // Там же. С. 169–176.
- ¹⁰ *Ипполитов С.С.* Русский «казенный» капитал в Европе в 1920–1930-х гг. // Там же. С. 160–168.
- ¹¹ Там же. С. 165.